

В.А. Томсинов, зав. кафедрой истории государства и права
юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

**«Нестареющая книга», ее основные идеи и научное значение
[«Теория судебных доказательств в советском праве» А.Я. Вышинского]**

Опубликовано:

Законодательство.

2023. № 12. С. 79–86. 2024. № 1. С. 87–94. № 2. С. 86–94.

1

Должность заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, на которую Вышинский был назначен 31 мая 1939 года после освобождения в тот же день от обязанностей прокурора СССР, позволяла ему больше времени и сил уделять собственным научным занятиям., Андрей Януарьевич как один из руководителей правительства получил в свое ведение административно-судебные учреждения и НКВД, культуру, науку и образование, но его полномочия в этих сферах заключались исключительно в осуществлении общего правительственного надзора и контроля. При этом он сохранил пост директора Института права Академии наук СССР (с 29 декабря 1936 г. до 29 марта 1938 г. это научное учреждение называлось Институтом государственного права), который занимал с осени 1937 года¹.

¹ На этот пост А.Я. Вышинский был назначен на основании постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 20 октября 1937 г., которое в свою очередь было принято после обращения вице-президента АН СССР И.М. Губкина к председателю СНК СССР В.М. Молотову от 17 сентября 1937 г. «Институт государственного права Академии наук СССР, — говорилось в письме Губкина, — оказался сильно засорен врагами народа и в настоящее время остался без руководства. Наиболее подходящая кандидатура для возглавления указанного Института — прокурор СССР Вышинский А.Я. По поручению Президиума Академии Наук Президент АН акаде. В.Л. Комаров вел по этому поводу с тов. Вышинским А.Я. переговоры. Письмом от 13 сентября с/г за № 333/л тов. Вышинский сообщает акаде. Комарову о своем согласии принять предложение относительно директорства в Институте государственного права АН по совместительству, если против этого не последует возражений со стороны Правительства. Президиум Академии Наук СССР просит Вашего согласия назначить тов. А.Я. Вышинского директором указанного Института Академии наук СССР» (О директоре Института государственного права Академии наук СССР. 20 октября 1937 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. 1922—1991. Том 1. 1922—1952. М., 2000. С. 262). В.М. Молотов поставил на этом письме «за» и расписался, после чего передал его другим членам Политбюро, которые также поставили на нем пометки «за». Так появилось постановление «Утвердить т. Вышинского А.Я. (по совместительству) директором Института государственного права Академии Наук СССР». Предшественником же Вышинского на этом посту являлся Е.Б. Пашуканис.

29 января 1939 года Академия наук СССР избрала А.Я. Вышинского своим действительным членом. Между тем он, хотя и являлся автором множества публикаций, ведущим ученым мог быть назван только условно. Библиография публикаций А.Я. Вышинского, изданная в 1941 году в серии «Материалы к библиографии трудов ученых СССР», насчитывала 128 статей и книг и 58 докладов, речей и выступлений, изданных в период с 1922 по 1940 год². Но это были, в основном, политические идеологические произведения, связанные в большинстве своем с его прокурорской деятельностью, а также учебники и учебные пособия для советских юридических вузов.

Доклад А.Я. Вышинского «Основные задачи науки советского социалистического права», произнесенный 16 июля 1938 года в Институте права АН СССР на Первом совещании по вопросам науки советского государства и права, сыграл важную роль в дальнейшем развитии советской юридической науки, избавив ее от чрезвычайно радикальных трансформаций и перекосов, восстановив некоторые из важнейших ее отраслей, приговоренных революционно настроенными советскими правоведами к упразднению (гражданское право, административное право и др.), упорядочив систему советского правоведения³. Однако и в данном случае выступление Вышинского имело преимущественно политический характер: в нем формулировались основные идеологические доктрины, которыми должны были руководствоваться советские правоведаы.

После того, как Вышинский был освобожден от обязанностей прокурора СССР, он продолжал публиковать статьи, но они были так же далеки от науки. О политических задачах тех работ свидетельствуют даже их заглавия.

Так, в 1940 году в серии «Лекции в помощь изучающим марксизм-ленинизм» вышла брошюра объемом в 47 страниц с текстом его доклада «Конституционные принципы советского государства», прочитанного Вышинским 3 ноября 1939 года на общем собрании Отделения экономики и права Академии наук СССР. Брошюра вышла не только на русском языке, но и на армянском, латышском и украинском языках.

² Андрей Януарьевич Вышинский (Материалы к библиографии трудов ученых СССР. Серия права, вып. 1) / Составила В.Е. Кузяткина. М., 1941. С. 25–29.

³ Подробнее о Первом совещании по вопросам науки советского государства и права см.: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статьи 57–65. Формирование теоретических основ советского правоведения. 2022. № 4–12.

В февральском номере журнала «Советское государство и право» за 1940 год была опубликована статья А.Я. Вышинского «Глава советского правительства»⁴. Такое название вполне могла бы иметь и научная публикация, посвященная, например, статусу председателя СНК СССР по Конституциям СССР 1924-го или 1936 года. Но Вышинский опубликовал всего лишь панегирик В.М. Молотову по случаю его пятидесятилетнего юбилея.

Идеологическими являлись статья А.Я. Вышинского «Проблема государственного управления в трудах В.И. Ленина», напечатанная в четвертом номере журнала «Советское государство и право»⁵, и его очерк «Великий день сталинской конституции», появившийся в том же году в декабрьском номере данного журнала⁶.

Академику и директору Института права АН СССР А.Я. Вышинскому явно не хватало настоящих научных достижений для подтверждения статуса ведущего ученого правоведа, который сам он считал в высшей степени престижным.

В течение второй половины 1939 — первой половины 1940 года Андрей Януарьевич, не прекращая исполнять возложенные на него обязанности по должности заместителя председателя СНК СССР, интенсивно работал над книгой «**Теория судебных доказательств в советском праве**». Она вышла в свет в начале 1941 года⁷ и стала одним из самых крупных достижений советской юридической науки. Ее второе издание, «дополненное и переработанное», как указано на титульном листе, появилось в 1946 году. Третье — просто «дополненное» — в 1950-м. Постановлением Совета Министров СССР от 6 июня 1947 года академику А.Я. Вышинскому была присуждена за этот научный труд Сталинская премия первой степени.

Член-корреспондент АН СССР М.С. Строгович, сам занимавшийся с середины 1920-х годов исследованием темы судебных доказательств, отметил в

⁴ Советское государство и право. 1940. № 2. С. 3–22.

⁵ Там же. № 4. С. 1–24.

⁶ Там же. № 12. С. 5–26.

⁷ В конце первого издания книги «Теория судебных доказательств в советском праве» были приведены выходные данные, из которых следует, что ее подписали к печати 10 января 1941 г. И уже в февральском номере журнала «Социалистическая законность» за 1941 г. появилась рецензия М.С. Строговича на эту книгу А.Я. Вышинского. После выхода второго издания данной книги Строгович опубликовал новую рецензию на нее.

рецензии на второе издание книги «Теория судебных доказательств в советском праве», опубликованной в конце 1946 года в журнале «Социалистическая законность»: «Когда в 1941 г. вышло в свет первое издание книги А.Я. Вышинского о доказательствах, это было событие на теоретическом правовом фронте... За истекшее время работа А.Я. Вышинского приобрела широкую популярность среди советских юристов и стала настольной книгой для каждого научного работника в области права. Для каждого практического работника юстиции — судьи, прокурора, следователя, адвоката. Без малейшего преувеличения можно утверждать, что эта книга является наиболее известным, наиболее читаемым и изучаемым юридическим произведением и, без сомнения, лучшим монографическим исследованием в области советской юриспруденции»⁸.

Рецензия М.С. Строговича на книгу Вышинского не была хвалебной. Михаил Соломонович не во всем соглашался с автором, а в ряде случаев обнаруживал противоречия в его высказываниях. Говоря о достоинствах данной книги, он ничего не придумывал, а просто показывал то, что действительно имелось в ее содержании. «Книга А.Я. Вышинского, — сообщал рецензент, — в высокой степени интересна тем, что, на первый взгляд, частный, специальный и узкий вопрос науки права — учение о доказательствах в судебном процессе — она понимает до уровня общих и принципиальных проблем права, законности, суда и правосудия. Она наглядно показывает, что в науке права нельзя противопоставлять друг другу проблемы так сказать общетеоретические и проблемы частные, специальные, если правильно вести научное исследование: частная правовая проблема правильно может быть решена только в связи с основными общетеоретическими, методологическими положениями науки права, с общеполитическими задачами Советского государства. Книга А.Я. Вышинского двигает вперед не только теорию доказательств, как часть науки судебного права, но и самую науку судебного права и еще больше науку права в целом»⁹. «**Это — нестареющая книга**»¹⁰, — такими словами М.С. Строгович оценил научную монографию бывшего прокурора СССР о теории судебных доказательств.

⁸ Социалистическая законность. 1946. № 11–12. С. 54.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Тему судебных доказательств Вышинский избрал для своей научной монографии прежде всего потому, что считал ее наиболее значимой в процессуальном праве. Главную свою научную книгу он начал с объяснения этой значимости: «Учение о доказательствах представляет собой одну из наиболее важных и ответственных частей пауки о судебном процессе. Это находит свое объяснение раньше всего в самой сущности, в самом содержании судебного процесса, в самих его задачах, связанных с установлением определенных явлений, обстоятельств, фактов, с их анализом и вытекающими из этого анализа выводами, на основе которых складывается судебное решение или судебный приговор»¹¹.

Свою первую работу по проблеме судебных доказательств Вышинский опубликовал еще в начале 1926 года, когда был ректором 1-го Московского государственного университета и читал лекции студентам-юристам. В первом выпуске «Энциклопедии государства и права» была напечатана его статья под названием «Доказательство». Она следовала за статьей Е.Б. Пашуканиса «Договор международный» и занимала всего шесть столбцов¹². Однако Вышинский сумел выразить в ней свои главные мысли. В начале статьи он констатировал, что новой, «классовой теории доказательства» в советском правоведении «еще нет и, вероятно, долго еще не будет»¹³. Между тем значение учения о доказательствах для советских юристов резко усиливается тем обстоятельством, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству уголовный суд не связан никакими формальными доказательствами¹⁴. «Это значит, — продолжал Вышинский, — что для нашего

¹¹ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 3.

¹² Вполне возможно, что главный редактор энциклопедии П.И. Стучка не придавал проблеме судебных доказательств большого значения. Поэтому статье «Договор международный» в данной энциклопедии было отведено 13 столбцов, следующей за статьей «Доказательство» статье «должностное лицо» — 11 столбцов, а статья «Должностные преступления» — целых 29 столбцов (!).

¹³ *Вышинский А.Я.* Доказательство // Энциклопедия государства и права. Том 1. Аболиционизм-зрелища. М., 1925–1926. Стлб. 985.

¹⁴ А.Я. Вышинский имеет в виду в данном случае статью 57 действовавшего УПК РСФСР, гласившую: «Суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит по обстоятельствам дела допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Присяга как доказательство не допускается». Иначе говоря, в советском уголовно-процессуальном законодательстве не признавалось безусловного значения за какими-либо доказательствами. Единственным формальным доказательством, обязательным для суда, являлся приговор, вступивший в законную силу. Поэтому на суд возлагалась повышенная ответственность в исследовании и оценке доказательств: суд не мог при вынесении приговора ограничиться простой ссылкой на закон, а был обязан представить факты и аргументы, на которые опирался, применяя к рассмотренному делу ту или иную норму закона. Что же касается органов

суда нет таких, заранее установленных признаков, по которым данное обстоятельство необходимо было бы признать за д[оказательство] во что бы то ни стало. По нашему закону суд должен совершенно свободно и независимо ни от каких предустановленных фактов и условий определить значение и важность того или другого обстоятельства, как судебного д[оказательства]»¹⁵.

В этих условиях судьи могли действовать по-разному: например, применяя лишь формально-логические приемы доказывания или же, не ограничиваясь формальным подходом, преимущественно использовать для доказывания конкретные обстоятельства.

Известный дореволюционный правовед профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета Н.Н. Розин был убежден, что процесс доказывания является чисто логическим процессом и предполагает прежде всего определение неких общих положений, извлекаемых частично из судебной практики, частично — из науки. Затем, пояснял он, «известные нам общие положения мы ставим в связь с конкретными явлениями и получаем при помощи этой связи искомый нами вывод... Права на недвижимое имущество приобретаются при помощи крепостных актов; истец представил суду подлинный крепостной акт, по которому перешло к нему имущество; следовательно, он имеет право на данное недвижимое имущество»¹⁶.

Подобную методику доказывания считал единственно верной и советский правовед Давид Борисович Рубинштейн¹⁷.

Вышинский выступил против этого подхода. В своей энциклопедической статье о доказательстве он отметил: «Процесс судебного доказывания не есть формально-логический процесс доказывания, как это думают некоторые представители старого права (напр., проф. Розин, утверждающий, что судебное доказывание ничем не отличается от обычного логического процесса, пользующегося нормальными силлогизмами). Процесс юридического доказывания значительно сложнее, глубже и шире обычного логического процесса образования силлогизмов. Это хорошо подтверждается теми самыми примерами, на которые ссылаются защитники нами оспариваемого мнения.

дознания, то статья 100 УПК РСФСР устанавливала, что задержание ими лица, «подозреваемого в совершении преступления, подлежащего производству предварительного следствия, допускается лишь как мера предупреждения уклонения подозреваемого от следствия и суда» и притом лишь в шести случаях, которые перечислялись в статье.

¹⁵ *Вышинский А.Я.* Доказательство. Стлб. 986–987.

¹⁶ *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 336.

¹⁷ См.: *Рубинштейн Д.Б.* Уголовный суд РСФСР. М., 1925. С. 116.

Напр., истец представил суду подлинный крепостной акт, по -которому к нему перешло имущество; следовательно, рассуждает, например, проф. Розин, он имеет право на это имущество. Так, конечно, выходит по законам логики (добавим – формальной, на которую, как известно, так уничтожающе нападал всегда В. И. Ленин). Но для д[оказательства] права на это имущество за держателем купчей указанных обстоятельств для суда недостаточно. А если ответчик докажет, что купчая им была совершена в пользу истца под давлением его вымогательств? Очевидно, что одного факта представления в суд подлинной купчей для признания за истцом права на нее недостаточно. Одних логических силлогизмов в судебном деле мало. Рабское следование требованиям отвлеченной логики может суд увести далеко от той самой истины, которая составляет предмет всех его усилий. В уголовных же делах, где суду приходится сталкиваться с чрезвычайно запутанными, часто внутренне-противоречивыми обстоятельствами, одна логика не укажет правильного пути решения. И судья, даже именно судья, должен уметь мыслить диалектически; именно для него истина не должна быть никогда абстрактной, а всегда конкретной»¹⁸.

Эту позицию ректора 1-го МГУ А.Я. Вышинского поддержал в своей статье, посвященной теории доказательств в уголовном процессе, М.С. Строгович – в то время молодой прокурорский работник и по совместительству преподаватель юридического факультета 1-го МГУ. Сопоставив два рассмотренных способа доказывания, Михаил Соломонович сделал вывод: «По сути дела прав, разумеется, А. Я. Вышинский. Действительно, одной формальной логики для правильного решения дела мало, и очень возможно что по отдельным делам могут быть созданы не одна, а несколько вполне безупречных логических версий, так что вопрос о том, на какой из них следует остановиться, формально-логическим путем разрешить нельзя, и поэтому решающим моментом здесь будет являться внутреннее судейское убеждение, не выразимое в терминах логики. Вообще, ни один из моментов доказывания не может быть признан исключительно логическим, – решающее значение всегда будут иметь внутреннее сомнение, внутреннее колебание или, наоборот,

¹⁸ *Вышинский А.Я.* Доказательство. Стлб. 987–988.

внутренняя уверенность судей в правильности, истинности того или иного положения»¹⁹.

В 1927 году А.Я. Вышинский опубликовал небольшое учебное пособие по курсу уголовного процесса объемом в 222 страницы. Судебным доказательствам он посвятил в нем 29 страниц. «Учение о доказательствах является одной из самых важных частей науки уголовного процесса, — подчеркивал он. — Оно имеет своим содержанием разработку проблем той области судопроизводства, в которой лежит ключ к решению основной процессуальной задачи, сводящейся к ответу на два вопроса: имело ли место событие преступления и совершено ли это преступление обвиняемым»²⁰.

Следующим этапом в разработке Вышинским теории судебных доказательств стал его доклад «Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе», сделанный им в Институте уголовной политики 15 мая 1936 года. Андрей Януарьевич сосредоточился в нем на самой сложной и запутанной проблеме теории судебных доказательств, связанной с ролью судейского убеждения в оценке фактов, представляемых в судебном процессе.

Формально-логическая доктрина доказывания, до предела ограничивающая свободу судейского убеждения и заменяющая оценку доказательств судом оценкой их законом, была признана неприемлемой. Но и полную свободу судейского убеждения многие советские правоведа-процессуалисты считали опасной, создающей условия для судейского произвола. В связи с этим к середине 1930-х годов в советском правоведении получила распространение доктрина, обосновывавшая необходимость «объективизации» судейского убеждения.

Так, харьковский ученый правовед М.М. Гродзинский еще в 1925 году высказывал мнение о недостаточности личного опыта и знаний судьи для надлежащей оценки доказательств и предлагал привлекать с этой целью результаты широкого комплекса различных наук — химии, физики, судебной медицины, судебной психологии. «Процесс научной объективизации оценки доказательств, — утверждал он, — находится в прямой и непосредственной зависимости от дальнейших успехов науки, разрабатывающей вопросы, связанные с исследованием сущности и особенностей отдельных

¹⁹ *Строгович М. С.* Теория доказательств в уголовном процессе // Советское право. 1927. № 2. С. 81–82.

²⁰ *Вышинский А. Я.* Курс уголовного процесса. М., 1927. С. 98.

доказательств... Причем результаты, добытые в этих различных областях, должны быть суммированы, сведены в систему и обработаны таким образом, чтобы они могли служить указанной выше цели, именно дать объективные основания для определения силы и значения доказательств»²¹.

В середине 1930-х годов М.М. Гродзинский продолжал отстаивать это мнение и незадолго до выступления Вышинского в Институте уголовной политики сделал свой доклад по проблеме теории судебных доказательств. Андрей Януарьевич отметил в своем выступлении, что Гродзинский пришел в своих исследованиях проблемы судебных доказательств к трем выводам: «1) Теория внутреннего убеждения – это освящение судебского произвола; 2) эта теория отрицает возможность получения объективно достоверных выводов в результате судебного исследования; 3) эту теорию нужно отменить, отказавшись от “термина внутреннего убеждения”, вычеркнуть его из УПК как исторически связанного с тем внутренним убеждением, которое дано в буржуазном процессе»²².

Еще одним противником свободного судебского убеждения как критерия оценки судебных доказательств оказался М.С. Строгович. Обратившись к его последней статье «Внутреннее судебское убеждение и оценка доказательств в уголовном процессе», Вышинский констатировал: «Тов. Строгович предлагает отказаться от принципа внутреннего убеждения как критерия оценки доказательств и заменить этот принцип каким-то принципом “объективизации” доказательств, не замечая, очевидно, что эта концепция ведет прямой дорогой к воскрешению теории формальных доказательств»²³.

В своей статье Михаил Соломонович писал, что «решающим моментом при оценке доказательств является впечатление, которое оказывают на судью доказательства», и при этом ссылался на мнение, высказанное авторитетным дореволюционным правоведом В.К. Случевским в «Учебнике русского уголовного процесса»²⁴. Андрей Януарьевич в ответ возразил: «Если мы откроем наших дореволюционных процессуалистов, например, Случевского и

²¹ Гродзинский М.М. Учение о доказательствах и его эволюция. Харьков, 1925. С. 18.

²² Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. Сокращенная стенограмма доклада в Институте уголовной политики 15 мая 1936 г.) // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 22.

²³ Там же. С. 23.

²⁴ См. современное издание этой книги в серии «Русское юридическое наследие»: Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть I: Судостроительство. Часть II: Судопроизводство / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. М., 2008.

Фойницкого, являющихся крупнейшими представителями русского дореволюционного процессуального права, то увидим, что между изложением их теории т. Строговичем и тем, как они в действительности излагают свою теорию, существует большая разница»²⁵.

Не ограничившись этим замечанием, Вышинский привел обширные цитаты из «Учебника русского уголовного процесса» В.К. Случевского и продемонстрировал Строговичу, в чем конкретно тот ошибается: «"Внутреннее судебское убеждение, — пишет Случевский, — вытекает из объективных оснований, порождающих в судьбе субъективную уверенность", обратите внимание: "субъективную уверенность" судьи, вытекающую из объективных фактических данных. Вот какова эта теория внутреннего убеждения. Какую же теорию вы хотите противопоставить этой теории? Какую-то теорию "объективизации доказательств"? Покажите, т. Строгович, каковы "объективные" признаки ценности доказательств, как по этим "объективным" признакам судья должен установить в свидетеле лжесвидетеля или добросовестного свидетеля?»²⁶.

Вышинский превосходил своих оппонентов в знании и понимании русского юридического наследия. Опираясь на рассуждения В.К. Случевского, он утверждал в своем докладе, что внутреннее судебское убеждение в своей настоящей сущности не является выражением произвола судьи при оценке доказательств. По словам Вышинского, «Случевский, защищая теорию внутреннего судебного убеждения, устанавливает ряд принципов, правил, которыми контролируется внутреннее убеждение. Следовательно, падает возражение противников этой теории, что внутреннее убеждение ничем не контролируется. Случевский в качестве контрольных моментов в теории внутреннего убеждения называет, во-первых, правило, согласно которому материальная истина признается обнаруженной только тогда, когда выясняется полное соответствие между нашими идеями и фактами. При этом условии нет места произволу, ибо если судья установил факты, смысл этих фактов, соответствие этих фактов нашим представлениям, то здесь уже нет произвола, здесь внутреннее убеждение находится под строгим контролем»²⁷.

²⁵ Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. С. 23.

²⁶ Там же. С. 24.

²⁷ Там же. С. 26.

Вторым ограничителем произвола судейского убеждения Случевский называл условие, по которому судейское убеждение могло лечь в основу уголовного приговора только в том случае, если уголовные доказательства выяснились на уголовном суде при соблюдении предписанных на этот счет уголовно-процессуальных норм. «Это, товарищи, очень разумное условие, — сказал Вышинский, комментируя данный вывод русского правоведа. — Судья дома, в кино, в клубе, в гостях может услышать и узнать по поводу рассматриваемого дела все что угодно, но он не имеет права выносить свой приговор на основании того, что он узнал вне суда, что не подверг судебной проверке»²⁸.

Третьим моментом, не позволявшим использовать судейское убеждение произвольно, Вышинский считал отмеченное В.К. Случевским требование учитывать при выработке судебного решения всю совокупность доказательств, находящихся в деле.

Наконец, еще одним принципом, придающим объективность судейскому убеждению, Вышинский называл выдвинутое Случевским требование, согласно которому судья, формируя свое внутреннее убеждение, должен действовать на основании оценки значения каждого доказательства в соответствии с его природой и связи этих доказательств с уголовным делом»²⁹.

Завершая разбор идей В.К. Случевского и уличая М.С. Строговича в их искажении, Вышинский сказал: «Я могу также показать, что говорит по этому поводу Фойницкий, стоящий в основном на тех же самых позициях»³⁰. Профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета И.Я. Фойницкий действительно считал, как и В.К. Случевский, что нельзя «смешивать решение дела по системе свободной оценки с решением его по непосредственному впечатлению» и что, «с другой стороны, не следует смешивать решение дела по свободной оценке доказательств с решением по произвольному усмотрению»³¹. «Для того, чтобы внутреннее убеждение не переходило в личный произвол, — подчеркивал Иван Яковлевич, — закон, не связывая судью легальными правилами, заботится, однако, о выработке его убеждения при условиях и в порядке, которыми обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Том 2. М., 1910. С. 191.

одинаковому заключению. Правила о таких условиях и порядке имеют высокое значение; ими устанавливается грань между судейской свободой и индивидуальным произволом»³². Далее Фойницкий изложил эти правила, которые в основном совпадают с изложенными В.К. Случевским и представленными в рассматриваемом докладе Вышинского.

Обращаясь к русскому юридическому наследию, Вышинский показывал, что в нем таится огромное интеллектуальное богатство, которое советские правоведы должны не игнорировать, а использовать в своих трудах. Собственную теорию судебных доказательств он строил в значительной мере на фундаменте идей, выработанных дореволюционными русскими правоведом, и развивал их исходя из богатого опыта собственной прокурорской деятельности.

В докладе «Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе», произнесенном в Институте уголовной политики 15 мая 1936 года, Вышинский представил не только основные идеи, но и методологию своей теории судебных доказательств, которую впоследствии изложил в научной монографии. Эта методология предполагала реалистический взгляд на суд как общественное явление, понимание главных особенностей судебного процесса, его весьма ограниченных возможностей, имманентно присущих ему недостатков и даже пороков. «Суд – не экспериментальная лаборатория, свободная в выборе средств и объектов исследования, – утверждал Вышинский. – Суд вынужден иметь дело с тем материалом, который ему дает “дело”, он связан временем; он работает в условиях, не допускающих бесконечного повторения “опытов” и требующих быстрого реагирования; условиях, вызывающих необходимость ограничиться установлением наиболее существенных (а не всех и всяких) обстоятельств данного случая. Одно это в достаточной степени объясняет неизбежность рассматривать судебный приговор, как приговор, выражающий собой лишь относительность устанавливаемой в каждом судебном деле достоверности. Поэтому совершенно неправильно представление, будто задачей судебного приговора является установление абсолютной истины. Требование становления судом абсолютной истины неправильно, потому что условия судебной деятельности ставят судью в необходимость решать вопрос не с точки зрения установления абсолютной

³² Там же. С. 192–193.

истины, а с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных фактов, подлежащих судебной оценке»³³.

Завершая свой доклад, Вышинский считал необходимым еще раз показать, что применение свободы судейского убеждения диктуется не субъективными желаниями или замыслами, а суровой объективной реальностью общественной жизни, не позволяющей строить суд исключительно на основе жестких нормативных принципов и норм: «Суд имеет дело с таким многообразием индивидуальных особенностей, которые нельзя предусмотреть ни в каких заранее установленных правилах или предписаниях. Суд поэтому должен быть максимально свободен в оценке доказательств. Поэтому нужно решительно (возражать против попытки вычеркнуть из уголовного процесса сначала термин “внутреннее убеждение”, а затем) и самое «внутреннее убеждение», а затем, может быть, и все социалистическое правосознание и поставить вместо него какую-то “объективизацию” доказательств. Это может привести и неизбежно приведет к ослаблению политической и нравственной ответственности судьи»³⁴.

Таким образом, книга «Теория судебных доказательств в советском праве» появилась далеко не сразу: автор вынашивал ее замысел, размышлял над ее идеями, работал над ее содержанием много лет. Ни в одном другом произведении характер Андрея Януарьевича Вышинского как правоведа и человека не проявился в подлинной своей сущности так ярко, как в этой книге.

2

Главная особенность книги «Теория судебных доказательств в советском праве» заключалась в том, что ее автор являлся ведущим творцом данной теории и в то же время имел огромный личный опыт ее применения в судебной практике. Благодаря многолетней прокурорской деятельности, предполагающей участие в судебных процессах в качестве обвинителя, Вышинский научился определять, какие элементы процедуры доказывания имеют общий, закономерный характер и соответственно могут быть представлены в виде теоретических положений, а что, напротив, не поддается каким-либо обобщениям и выражению в теоретической форме.

Общая структура рассматриваемой книги была довольно необычной и в то же время вполне логичной. Изложению советского доказательного права

³³ Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. С. 25.

³⁴ Там же. С. 36.

Вышинский отвел только одну главу — последнюю, пятую, но она заняла больше половины текста книги — 112 страниц из 216-ти. В первых четырех главах книги автор поместил очерк исторического развития основных вариантов доказательного права, начиная с эпохи Средних веков.

Первую главу книги составило введение, в котором Вышинский раскрыл общее значение доказательств в расследовании и разрешении судебных дел, определил задачи советского процессуального права и советского суда.

Вторую главу он посвятил теории формальных доказательств, показав ее смысл и историческое значение. «Под наименованием теории формальных доказательств в историю уголовного судопроизводства, — отмечал он, — вошла теория, по которой сила судебных доказательств заранее определялась законом. По этой теории каждое доказательство имело заранее установленный законом вес, значение. Суд и следствие в оценке доказательств должны были исходить из предписаний закона. Ни суд, ни следствие не имели права оценивать доказательства по собственному разумению; их задача заключалась в том, чтобы к каждому факту, с которым они имели дело как с доказательством, механически применить мерку, установленную законом, и сделать тот вывод, который предписывался законом. Эта теория рассматривала свойства и качества доказательств как какие-то застывшие, неизменяющиеся свойства и качества никогда не изменяющихся вещей или явлений»³⁵.

Указывая на пороки формальной теории доказательств, Вышинский вместе с тем признавал, что в XVI–XVII веках, во времена в абсолютной монархии, эта теория сыграла немаловажную роль в укреплении государственности — в переходе от частно-правовой политической организации общества к публично-правовой. «Теория и система законных (формальных) доказательств, — писал он, — олицетворяли собой начало государственное, иступившее в борьбу с началом групповым и личным, с носителями этих начал, неспособными подняться до сознания общих интересов своего класса, неспособными в силу этого поднять и деятельность таких органов, как суд, на высоту общегосударственного значения. Судебный процесс до преобразования его в соответствии с принципами теории законных доказательств представлял собой источник осуществления не государственных интересов господствующего

³⁵ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 36.

класса, а групповых или личных интересов тех, в чьих руках были судебные учреждения и судебная власть»³⁶.

В **третьей главе** книги Вышинский представил основные характеристики английской теории доказательственного права. Андрей Януарьевич показал ее коренное отличие от долгое время господствовавшей в юриспруденции континентальной Европы теории формальных доказательств. Последняя, отмечал он, на место убеждения судьи ставила закон и тем самым совершенно исключала «всякую оценку судьей доказательств, всякое “свободное” обращение с представленными суду в качестве доказательства фактами»³⁷. В противоположность этой системе «окаменелых доказательств», английская теория доказательств предоставила судье известную свободу оценки тех или иных фактов, дала ему известные юридические принципы, чтобы он «лучше и безошибочнее мог бы осуществить эту оценку»³⁸.

Подчеркивая оригинальность английского доказательного права, Вышинский в то же время стремился донести до читателей, насколько необходимы знания о нем в юридической профессии. По его словам, «изучение этого права не только обогащает познаниями исторического и юридического порядка, но и помогает овладеть процессом юридического анализа и синтеза рассматриваемых в судебном процессе фактов»³⁹.

Основное достоинство английской теории судебных доказательств Вышинский видел в том, что она «не ставит своей целью определить заранее силу, свойства и значение каждого доказательства и не обязывает судью придавать тому или другому доказательству то значение, которое наперед ему придано самим законом. Английская доказательственная теория не пытается ответить на вопрос о том, какое значение имеет то или иное доказательство, и заранее, в самом законе определить, какие преимущества одно доказательство имеет или должно иметь для судьи перед другими доказательствами»⁴⁰.

В **четвертой главе** рассматриваемой книги излагалась «Теория так называемой свободной оценки доказательств», утвердившаяся в развитых странах во второй половине XIX века вместо формального подхода к доказательствам.

³⁶ Там же. С. 53.

³⁷ Там же. С. 65.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 64.

⁴⁰ Там же. С. 65.

То, что правоведаы назвали в то время «свободной оценкой доказательств», в действительности, означало их оценку на основе внутреннего судебного убеждения, которое в реальности не могло быть свободным. Правосознание судей в конечном итоге, констатировал Вышинский, является «отражением правосознания, господствующего в данном обществе и определяемого классовыми особенностями господствующих в этом обществе классов»⁴¹. Эту мысль он повторил в пятой главе своего произведения: «Внутреннее убеждение судьи всегда органически связано с его мировоззрением, с его правосознанием, являющимся в данном обществе господствующим»⁴².

В Российской империи методология «свободной» оценки судебных доказательств утвердилась в ходе судебной реформы 60-х годов XIX века. Статья 119 Устава уголовного судопроизводства, принятого 20 ноября 1864 года, гласила: «По выслушании сторон и по соображении всех доказательств, имеющихся в деле, мировой судья решает вопрос о вине или невинности подсудимого по внутреннему своему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве, а в применении к делу законов, руководствуется правилами, постановленными в статьях 12-й и 13-й сего устава»⁴³. Это означало, что Устав уголовного судопроизводства Российской империи, во-первых, никаким доказательствам не придавал предустановленной силы; во-вторых, налагал на суд обязанность входить в оценку всех доказательств, представленных в суд по рассматриваемому делу, прежде чем выносить по нему приговор; в-третьих,

⁴¹ Там же. С. 104.

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Высочайше утвержденный Устав уголовного судопроизводства. 20 ноября 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее: 2-ПСЗРИ). СПб., 1867. Т. 39. № 41476. С. 224. Упомянутая статья 12 устанавливала: «Все судебные установления обязаны решать дела по точному разуму существующих законов, а в случае неполноты, неясности или противоречия законов, коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания, должны основывать решение на общем смысле законов». Статья 13 запрещала «останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти»⁴³. Этим подразумевалось, что, предоставляя суду правомочия оценивать доказательства по внутреннему убеждению, Устав уголовного судопроизводства не давал им власти решать дела по своему произволу, вопреки смыслу действующих законов.

требовал опираться при выработке решения только на обстоятельства, установленные в судебных заседаниях.

Такой анализ методик судебного доказывания (во-первых, формальной теории доказательств, преобладавшей в юриспруденции Западной Европы и России в XVI—XVIII вв., во-вторых, английского учения о судебном доказывании, в-третьих, теории «свободной оценки доказательств», или «внутреннего судебного убеждения», сложившейся в западном правоведении и в дореволюционной российской юриспруденции в течение XIX в.), казалось бы, выходило далеко за рамки темы, обозначенной в заглавии книги «Теория судебных доказательств в советском праве». Однако Вышинский явно не ставил своей целью дать полное описание советского доказательного права. Он стремился показать отличительные черты сформировавшейся в советском законодательстве и правоведении теории судебных доказательств. Различные варианты методологии доказывания, а именно формальная теория доказательств, английское доказательное право и теория «свободной оценки доказательств» — были выбраны им для того, чтобы на этом фоне лучше увидеть и понять особенности советской теории судебных доказательств.

Содержание главы о советском доказательном праве, органически вытекало из предыдущей главы, посвященной теории свободной оценки доказательств. Об этом свидетельствуют первые же фразы пятой главы книги: «Советское процессуальное право отвергает оценку доказательств по каким-либо формальным: основаниям. Советские процессуальные законы как уголовные, так и гражданские оценку доказательств относят исключительно к компетенции суда, устанавливая единственным основанием для этого внутреннее судебное убеждение, опирающееся на рассмотрение всех обстоятельств дела в их совокупности. По советскому праву, каждое обстоятельство, независимо от его внутреннего содержания или ценности, может быть доказательством по делу. Не допускается в качестве доказательства лишь присяга, что совершенно естественно, так как такого рода «доказательство» прямо противоречит принципу внутреннего убеждения, господствующему в советском праве»⁴⁴.

Представленный в книге собственный вариант доктрины оценки судебных доказательств на основе внутреннего судебного убеждения автор выразил посредством критики теории судебной оценки доказательств, изложенной в

⁴⁴ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. С. 106.

«Курсе уголовного судопроизводства» И.Я. Фойницкого⁴⁵, в книге «Учение об уголовных доказательствах» Л.Е. Владимиров⁴⁶, в «Учебнике русского уголовного процесса» В.К. Случевского⁴⁷. Вышинский привел в своем произведении высказывания упомянутых русских правоведов о сущности внутреннего судейского убеждения и сделал следующий вывод: «Отвергая какие бы то ни было предустановленные законом признаки достоверности и значимости доказательств, новая теория качество доказательств поставила в исключительную зависимость от личной оценки судьи, — от оценки, основанной лишь на законах логического мышления и нормального восприятия действительности»⁴⁸.

Действительно, И.Я. Фойницкий сводил оценку доказательств исключительно к личной умственной деятельности судьи. «Оценка доказательств, — указывал он, — есть умственная деятельность, разрешающаяся сомнением или убеждением»⁴⁹.

Подобным же образом понимал доказывание в уголовном процессе и Л.Е. Владимиров. «"Внутреннее убеждение", как мерило уголовно-судебной достоверности, — утверждал он, — означает, что последняя обыкновенно есть только нравственная очевидность, т.е. высокая степень вероятности, при которой благоразумный человек считает уже возможным действовать в случаях, когда судьба собственных и самых высших его интересов зависит от решения вопроса о достоверности фактов, обуславливающих самый акт решимости»⁵⁰.

В.К. Случевский предложил свою формулировку внутреннего убеждения как критерия оценки уголовных доказательств: «Таким образом внутреннее убеждение представляется ничем иным, как тою степенью вероятности, при которой благоразумный человек считает доказываемый факт достоверным»⁵¹.

⁴⁵ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. Издание второе, переработанное. СПб., 1899. С. 208–233. Любопытно, что Вышинский почему-то использовал в своей книге второе издание второго тома данного «Курса», хотя имелось и его третье издание, пересмотренное и дополненное, напечатанное в 1910 г., и четвертое, посмертное, дополненное и пересмотренное П.И. Люблинском, изданное в 1915 г.

⁴⁶ *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части: общая и особенная. Третье издание, измененное и законченное. СПб., 1910. С. 14–98.

⁴⁷ *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб., 1892. С. 137–145. Вышинский цитирует В.К. Случевского по первому изданию его учебника, хотя в 1913 г. вышло четвертое, дополненное и исправленное его издание.

⁴⁸ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. С. 91.

⁴⁹ *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Том 2. СПб., 1899. С. 216.

⁵⁰ *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. СПб., 1910. С. 14.

⁵¹ *Случевский В. К.* Учебник русского уголовного процесса. Судопроизводство. СПб., 1892. С. 138.

Далее Владимир Константинович уточнил: «Уголовно-судебная вероятность есть ничто иное, как такая степень вероятности, вытекающая из представленных на суде доказательств, которая способна привести судью к уверенности в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследуемого дела, имело место в действительности»⁵². Вышинский привел это определение Случевского, чтобы показать умозрительность его воззрений на внутреннее судебское убеждение. Но еще ярче данный подход выражен в другом суждении русского правоведа: «Законы логики оказывают на уголовного судью, действующего при помощи уголовных доказательств, такое же решительное влияние, какое оказывают они на всякого при отправлении им его житейских дел»⁵³.

Свои размышления о внутреннем судебском убеждении В.К. Случевский начал с тезиса о том, что оно «вытекает из объективных оснований, порождающих в судье субъективную уверенность в отношении действительности и значения тех фактов, которые подвергнуты были исследованию средствами уголовного процесса»⁵⁴. Но в дальнейшем он убедительно продемонстрировал, что под указанными объективными основаниями им подразумевались не общественные условия, под влиянием которых формируется мировоззрение судей, а всего лишь факты, рассматриваемые в судебном процессе в качестве доказательств.

Критикуя сформировавшиеся в XIX веке в российском и западноевропейском правоведении умозрительные доктрины методологии оценки судебных доказательств, Вышинский писал: «Нельзя не заметить решающего влияния на формирование лежащих в основе буржуазной теории внутреннего убеждения взглядов идеалистической философии, опирающейся на учения Юма, Беркли, Канта. Влияние этой философии, отрицающей возможность познания “вещей в себе”, исходящей из признания относительности и непознаваемости внешнего мира, сказывается в области доказательственного права в господстве изложенных выше взглядов - на достоверность доказательств, на содержание материальной истины. Зараженные философским субъективизмом, ученые-процессуалисты конца XIX века и особенно начала XX века всю задачу судебного решения сводят к субъективной уверенности судьи в правильности своего решения. Говоря об объективной, или материальной, истине, они далеки,

⁵² Там же. С. 139.

⁵³ Там же. С. 140.

⁵⁴ Там же. С. 137.

однако, от признания возможности установить в судебном процессе несомненную, абсолютную истину. Они готовы довольствоваться более простым и легким делом — получением безотчетных, непроизвольных, интимных и т. п. впечатлений»⁵⁵.

В книге «Теория судебных доказательств в советском праве» Вышинский показал, что процесс формирования судейского внутреннего убеждения является гораздо более сложным, чем это представлялось правоведам XIX-начала XX века. Понимание и оценка судьями при разбирательстве дела каждого отдельного рассматриваемого обстоятельства и тем более их совокупности, тесно связаны с укоренившимися в сознании судей правовыми, политическими и нравственными воззрениями, которые оказывают на судебную деятельность значительно более сильное влияние, чем законы логики и используемые судьями приемы чисто логического мышления.

«Судейское убеждение, — писал Вышинский в пятой, основной главе своей книги, — не есть простое восприятие результатов этих операций. Оно вовсе не подобно, например, математическому убеждению, которое целиком зависит от того, какие операции совершаются с математическими выражениями (числами, формулами и пр.). Оно является результатом деятельности не одного только ума, как в формальной логике, имеющей дело с силлогизмами, или как в математике, оперирующей числами, или как в любой науке, раскрывающей сущность явлений силой умственной деятельности человека, но результатом деятельности всего человека, всех его умственных и нравственных сил, всего его характера. Судейское убеждение — это не только знание, но и признание фактов, не только знание того, как и вследствие чего произошло данное событие, но и способность правильно оценить значение этого события, правильно, т. е. в соответствии с интересами своего общества и своими собственными интересами, понимаемыми в широком, общественном их смысле. Это означает, что правильное понимание и познание обстоятельств дела, создающее у судьи то или иное убеждение, нельзя отрывать от всей суммы его идей, взглядов, его миросозерцания, его политического и правового сознания.

Судья, решая дело, взвешивая обстоятельства дела, оценивая поступки обвиняемого, истца или ответчика, неизбежно ищет опоры в своих нравственных, политических, идеологических принципах, во всем своем

⁵⁵ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. С. 92–93.

миропонимании, в основных воззрениях своих на мир, на отношения людей, на цели и задачи своего собственного существования»⁵⁶.

Признавая необходимость использования логических понятий при осуществлении судебной деятельности, Вышинский подчеркивал, что доказательственное право имеет дело «не только и не столько с логическими категориями, логическими понятиями, совершенно необходимыми в процессе судебного расследования, сколько с живыми фактами, с самой жизнью, чрезвычайно сложной и многообразной, не допускающей отвлеченного, чисто “логического” с собой обращения»⁵⁷. Но реалистический подход к судебному доказыванию создавал серьезные проблемы при попытках сформулировать общие положения доказательного права. Каждый «живой факт», удостоившийся внимания со стороны судьи, каждая жизненная ситуация, ставшая предметом разбирательства в суде, отличаются таким своеобразием и индивидуальностью, что выработка на их основе теории судебных доказательств, применимой ко всякого рода судебным делам, оказывается очень трудной, если не вовсе бессмысленной.

Предпоследний параграф рассматриваемой книги Вышинский посвятил отдельным видам доказательств в советском праве, начав изложение учения о них с объяснений обвиняемого и ответчика. Применение реалистического метода при формулировании теоретических положений для судебных доказательств данного вида завело автора в тупик и в попытках найти выход из него Андрей Януарьевич попал в самый настоящий **идеологический капкан**.

Отметив, что «обвиняемый (подсудимый) и ответчик не должны и не могут рассматриваться в качестве неполноценных участников процесса, тем более в качестве неполноправных субъектов процесса», Вышинский заявил: «Было бы ошибочным придавать обвиняемому или подсудимому, вернее, их объяснениям, большее значение, чем, они заслуживают этого как ординарные участники процесса. В достаточно уже отдаленные времена, в эпоху господства в процессе теории так называемых законных (формальных) доказательств, переоценка значения признаний подсудимого или обвиняемого доходила до такой степени, что признание обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению истину, хотя бы это признание было вырвано у него пыткой, являвшейся в те времена чуть ли не единственным

⁵⁶ Там же. С. 118.

⁵⁷ Там же. С. 147.

процессуальным доказательством, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств» (*regina probationum*)»⁵⁸.

Данный принцип средневекового процессуального права Вышинский назвал «**в корне ошибочным**», заметив при этом, что «либеральные профессора буржуазного права ввели существенное ограничение: “царицей доказательств” собственное признание обвиняемого становится в том случае, когда оно получено правильно, добровольно и является вполне согласным с другими установленными по делу обстоятельствами»⁵⁹. В сноске он сослался на произведения Л.Е. Владимирова⁶⁰ и Н.Н. Розина⁶¹.

Последующие рассуждения бывшего прокурора СССР о значении объяснений обвиняемых в судебном процессе были также вполне логичны. Приведем их в более или менее полном виде, поскольку в книгах, статьях и очерках о Вышинском они, как правило, замалчиваются, и тем самым создается ложное представление о его действительном отношении к признанию обвиняемого. «Но если другие обстоятельства, установленные по делу, — писал Вышинский, — доказывают виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним. Его значение в таком случае может свестись лишь к тому, чтобы явиться основанием для оценки тех или других нравственных качеств подсудимого, для понижения или усиления наказания, определяемого судом.

Вопрос, однако, приобретает совершенно другое значение, если сознание обвиняемого или подсудимого является единственным доказательством по делу. Каково в таком случае должно быть к нему отношение следствия или суда? Ответ на этот вопрос возможен лишь на основе строго критического отношения суда или следователя к объяснениям обвиняемого. Одной из гарантий правильности решения этого вопроса является безусловно объективное

⁵⁸ Там же. С. 177.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Л.Е. Владимирова писал о такого рода доказательствах: «Собственное признание, правильно отобранное, следовательно, добровольное и вполне согласное с другими, прочно установленными, обстоятельствами дела, есть лучшее всего света доказательство, настоящая королева доказательств» (*Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. С. 298*).

⁶¹ Вышинский явно имел в виду следующее высказывание Н.Н. Розина: «Современный процесс придает значение сознанию обвиняемого только в том случае, если оно дано непринужденно и добровольно» (*Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Второе издание, измененное и дополненное. СПб., 1914. С. 356*).

отношение к делу следственных и судебных органов. Наоборот, главное препятствие к правильному решению этого вопроса — это некритическое, предвзятое отношение к обвиняемому и неумение в должной степени использовать все обстоятельства, сопровождающие исследуемое событие, какими бы отдаленными от предмета следственного исследования они ни казались»⁶².

Из приведенных рассуждений Вышинского со всей очевидностью вытекает, что признание обвиняемого он не считал «царицей доказательств». Более того, он относился к нему как к доказательству наиболее сомнительному и настаивал на том, чтобы оно было подвергнуто самой тщательной проверке — особенно в том случае, когда это доказательство являлось единственным.

Причины, по которым судебные доказательства данного вида нельзя априори считать надежными, довольно подробно приведены в рассматриваемой книге. «Объяснения, даваемые на суде любым участником процесса, — писал Вышинский, — должны быть тщательно проверены путем сопоставления их друг с другом (если таких объяснений несколько и разного характера: обвиняемого, свидетелей), с заключением экспертизы (если таковая участвовала в деле), с вещественными доказательствами и т. д. Объяснения же обвиняемого или ответчика должны проверяться с особенной тщательностью в силу их заинтересованности в исходе дела и в силу их особого положения в процессе именно как обвиняемого или ответчика. Это важно иметь в виду как вследствие опасности при некритическом отношении к объяснениям этих лиц совершения судом серьезных, иногда непоправимых ошибок по отношению к самим обвиняемым, так и вследствие опасности оставить подлинных виновников преступления нераскрытыми, изолированными и ненаказанными»⁶³.

Далее Андрей Януарьевич привел примеры из судебной практики, показывающие, что признание обвиняемого нередко вообще не являлось доказательством, а использовалось для достижения целей, не имевших ничего общего с правосудием. «История судебных процессов, — заметил он, — знает немало случаев так называемых самооговоров, совершаемых обвиняемым под влиянием самых разнообразных мотивов. В одних случаях обвиняемый признает себя виновным в более легком преступлении, чтобы скрыть свое

⁶² *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. С. 177–178.

⁶³ Там же. С. 178.

участие в более тяжелом преступлении, в других случаях он это делает в интересах сокрытия своих сообщников, в третьих — из какого-либо иного расчета. Известны случаи, когда и вовсе невинные в приписываемом им преступлении признаются в том, чего они не совершали, уступая увещаниям следователя, а иногда и более грубым нарушениям следственными органами требований закона, обязывающего к объективности и добросовестности в расследовании дела. Известны случаи, когда признавшие свою вину “преступники” упорно настаивают на своих признаниях даже при отсутствии самого факта совершения преступления»⁶⁴.

Эти примеры дали Вышинскому основание для вывода о том, что *«обвиняемый в уголовном процессе не должен рассматриваться как единственный и самый достоверный источник этой истины»*⁶⁵, и о том, что опасно придавать показания обвиняемого преувеличенное значение при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. «Нельзя поэтому признать правильными, — констатировал он, — такую организацию и такое направление следствия, которые основную задачу видят в том, чтобы получить обязательно “признательные” объяснения обвиняемого. Такая организация следствия, при которой показания обвиняемого оказываются главными и — еще хуже — единственными устоями всего следствия, способна поставить под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них. Несомненно, следствие может только выиграть, если ему удастся свести объяснения обвиняемого на уровень обычного, рядового доказательства, устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на положение и устойчивость основных установленных следствием фактов и обстоятельств. Это положение, как нам кажется, является одним из важнейших методологических правил, строгое применение которого чрезвычайно облегчает задачи следствия, ускоряет развитие следственных действий и гарантирует следствию значительно больший успех, чем это может быть при отказе от руководства этим правилам»⁶⁶.

Формулируя методологическое правило оценки объяснений обвиняемого и ответчика, Вышинский старался остаться на почве реализма и учесть практический опыт судебного разбирательства уголовных дел, показывающий,

⁶⁴ Там же. С. 178–179.

⁶⁵ Там же. С. 180.

⁶⁶ Там же. С. 180.

что эти объяснения имеют неодинаковое значение в различных категориях дел. Именно здесь, на этом эт своих рассуждений о значении объяснений обвиняемого, Андрей Януарьевич попал в идеологический капкан. «Не следует, — пояснил он, — это правило понимать абстрактно, отвлекаясь от конкретных особенностей того или другого уголовного дела, особенно же такого, в котором участвует несколько обвиняемых, связанных к тому же друг с другом в качестве сообщников. В таких делах вопрос об отношении к объяснениям обвиняемых, в частности к таким их объяснениям, которыми они изобличают своих сообщников, соучастников общего преступления, должен решаться с учетом всего своеобразия таких дел — дел о заговорах, о преступных сообществах, в частности, дел об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах.

В таких процессах также обязательна возможно более тщательная проверка всех обстоятельств дела, — проверка, контролирующая самые объяснения обвиняемых. Но объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение **основных доказательств, важнейших, решающих доказательств**. Это объясняется самими особенностями этих обстоятельств, особенностями их юридической природы»⁶⁷ (выделено мной. — В.Т.).

Мысль о том, что в делах о заговорах, о преступных сообществах, об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах объяснения обвиняемых приобретают значение основных доказательств, и стала для Вышинского идеологическим капканом. Недоброжелатели бывшего прокурора СССР представили приведенное высказывание в искаженном, лживом смысле — как утверждение о том, что признание обвиняемого всегда есть «царица доказательств», и одного его достаточно для вынесения самого строгого приговора.

Когда этот навет стал распространяться в политических и ученых кругах советского общества, Вышинского уже не было в живых, и ответить на эту клевету он не мог. Впрочем, если бы он был жив, вряд ли ему тогда позволили бы это сделать.

Данная клевета имела неявный, но весьма значимый, зловещий политический смысл...

⁶⁷ Там же. С. 180–181.

Второе издание книги «Теория судебных доказательств» увидело свет в 1946 году. Первоначальный текст был дополнен и переработан. Новые положения автор добавил в основном во введение, которое, как и в предыдущем издании, было представлено первой главой книги. Шестой параграф, имевший в первом издании название «Связь доказательственного права с уголовным правом», во втором издании стал именоваться «Уголовно-правовая политика, уголовное право и процесс». Его содержание существенно изменилось. Текст раздела «Объяснения обвиняемого и ответчика» в параграфе, посвященном отдельным видам доказательств в советском праве, остался прежним⁶⁸.

Третье издание книги, вышедшее в 1950 году, было обозначено на титульном листе как «дополненное»: в его текст были включены некоторые новые положения. Введение было переработано и стало называться просто введением. При этом была изменена его структура по сравнению со структурой введения (первой главы) в предыдущих изданиях.

В издании книги 1941 года введение состояло из следующих параграфов: 1. «О значении доказательств в расследовании и разрешении судебных дел». 2. «Задачи советского процессуального права». 3. «Демократизм советского процессуального права и судебного процесса». 4. «Задачи советского суда». 5. «Наука судебного права и доказательства». 6. «Связь доказательственного права с уголовным правом».

В издании 1950 года во введении было четыре параграфа: 1. «Роль и значение суда в Советском государстве». 2. «Задачи советского процессуального права». 3. «Судебная политика, право и процесс». 4. «Наука судебного права и доказательства».

Новое положение, причем весьма примечательное, было внесено в третьем издании книги в раздел «Объяснения обвиняемого и ответчика»⁶⁹. После абзаца, в котором сообщалось, что к ошибочному в корне принципу средневекового права, придававшему признанию обвиняемого себя виновным значение непреложной истины, «либеральные профессора буржуазного права ввели существенное ограничение: “царицей доказательств” собственное признание обвиняемого становится в том случае, когда оно получено правильно, добровольно» и согласуется с другими обстоятельствами дела, в первом и

⁶⁸ См.: *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. Издание второе, дополненное и переработанное. М., 1946. С. 205–213.

⁶⁹ *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. Издание третье, дополненное. М., 1950. С. 259–268.

втором издании книги шли слова: «Но если другие обстоятельства, установленные по делу, *доказывают* виновность привлеченного к ответственности лица, то сознание этого лица теряет значение доказательства и в этом отношении становится излишним. Его значение в таком случае может свестись лишь к тому, чтобы явиться основанием для оценки тех или других нравственных качеств подсудимого, для понижения или усиления наказания, определяемого судом» (в первом издании книги – стр. 177, во втором – стр. 206). В третьем издании книги перед приведенными словами появилось утверждение: «Этот принцип совершенно неприемлем для советского права и судебной практики»⁷⁰. Далее говорилось: «Действительно, если другие обстоятельства...» и повторялось то, что было напечатано в этом месте книги в ее первом и втором изданиях.

Очевидно, что, добавив здесь новое положение, Вышинский усилил мысль о неприятии им принципа, согласно которому признание обвиняемого считается «царицей доказательств». Никаких других изменений в раздел «Объяснения обвиняемого и ответчика» внесено не было. Андрей Януарьевич не увидел в нем каких-либо недоговоренностей или неточностей, требующих дополнений и поправок.

Между тем неточность была допущена в одной из ключевых частей текста этого раздела – там, где говорилось о временах, когда признание обвиняемым себя виновным считалось «царицей доказательств». Вышинский построил порядок слов так, что создавалась возможность понимания его высказывания в двух смыслах. В отдаленные времена, отмечал он, имея в виду Средневековье, «**признание** обвиняемым себя виновным считалось за непреложную, не подлежащую сомнению **истину**, хотя бы это признание было вырвано у него **пыткой**, являвшейся в те времена чуть ли не единственным процессуальным **доказательством**, во всяком случае, считавшейся наиболее серьезным доказательством, «царицей доказательств»⁷¹ (выделено мной. – В.Т.).

Если рассматривать приведенное предложение исключительно с грамматической точки зрения, то надо согласиться, что «царицей доказательств» в приведенном предложении названа *пытка*, поскольку именно с этим словом грамматически связано причастие «являвшейся». Однако с точки зрения здравого смысла пытка не может быть «царицей доказательств»:

⁷⁰ Там же. С. 260.

⁷¹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 177.

причастие «являвшейся» здесь явно относится не к существительному «пытка», а к словосочетанию «признание обвиняемым себя виновным, считающееся непреложной истиной».

В анализе и оценке различных доктрин судебного доказывания Вышинский опирался прежде всего на здравый смысл. Этой методологии он следовал и при изложении вопроса об объяснениях обвиняемого и ответчика в параграфе, посвященном отдельным видам доказательств в советском праве.

Его основные мысли по данному вопросу сводились к следующим тезисам:

1. Положение обвиняемого в уголовном процессе, как и ответчика в процессе гражданском, отличается от положения других участников процесса, но было бы ошибочным придавать показаниям обвиняемого большее значение, чем показаниям обыкновенных участников процесса.

2. Придавать признанию обвиняемого себя виновным качество «непреложной, не подлежащей сомнению истины», то есть считать это признание «царицей доказательств», значит следовать «в корне ошибочному принципу средневекового процессуального права».

3. Объяснения любых участников процесса должны тщательно проверяться путем сопоставления друг с другом и с другими доказательствами. Объяснения обвиняемого или ответчика необходимо проверять «с особенной тщательностью в силу их заинтересованности в исходе дела».

4. Обвиняемый может признаваться или не признаваться, давать правдивые или ложные показания, участвовать в следствии или не участвовать, — «от этого ни в какой мере не должны зависеть ни ход следствия, ни его результаты».

5. Придание показаниям обвиняемого повышенного значения, когда они оказываются главными или даже единственными устоями всего следствия, ставит под удар все дело в случае изменения обвиняемым своих показаний или отказа от них.

6. Следствие, несомненно, может только выиграть, если объяснения обвиняемого будут сведены на уровень «обычного, рядового доказательства», устранение которого из дела неспособно оказать сколько-нибудь решающего влияния на его исход.

7. Однако эти положения следует понимать и применять с учетом конкретных особенностей того или иного уголовного дела. В делах о заговорах, о преступных сообществах, об антисоветских, контрреволюционных организациях, в которых участвует несколько обвиняемых, связанных друг с другом в качестве сообщников и дающих показания, изобличающие

соучастников общего преступления, объяснения обвиняемых «неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств».

8. Но в подобных делах является обязательной «возможно более тщательная проверка всех обстоятельств дела, — проверка, контролирующая самые объяснения обвиняемых». Вопрос об отношении к показаниям обвиняемого в смысле их признания в качестве доказательств или отрицания за ними этого качества должен быть поставлен в процессах об антисоветских, контрреволюционных организациях с особой осторожностью.

9. Если эти показания не соответствуют действительности, то их следует признать оговором. «А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора». Судьи должны проанализировать данные показания с учетом всех обстоятельств дела и выяснить, каковы их мотивы и насколько они убедительны.

10. Своеобразие объяснений обвиняемого как вида судебного доказательства заключается в том, что обвиняемый не только представляет доказательства следствию и суду, но и обладает процессуальными правами для того, чтобы корректировать, дополнять или опровергать другие доказательства.

11. Наделение обвиняемого процессуальными права является «чрезвычайно важным» не только для него, но также для интересов государства и осуществления правосудия, поскольку только при соблюдении этого условия показаниям обвиняемого может придаваться значение судебного доказательства.

Ни в книге «Теория судебных доказательств в советском праве», ни в статьях, посвященных этой проблеме, Вышинский не дает никаких оснований думать, что признание обвиняемым себя виновным является для него непреложной, несомненной истиной, то есть «царицей доказательств». Напротив, Вышинский в предельно ясных выражениях демонстрирует порочность этого взгляда.

Тем не менее и в публицистике, и в учебной и научной литературе по уголовному процессу доминирует мнение о том, что в данном труде Вышинский сформулировал и попытался обосновать взгляд на признание обвиняемого как на «царицу доказательств». Так, профессор Ю.К. Орлов пишет в учебнике «Уголовно-процессуальное право Российской Федерации», вышедшем в 2017 году: «Буржуазные революции в Европе, сломав феодальное судопроизводство с его формальной теорией доказательств и заменив его более

демократичным буржуазным, отвергли и правило о трактовке признания обвиняемого как “царице доказательств”. Однако рецидивы этого явления случались и в более поздние времена. В нашей стране в период сталинских репрессий концепция «царицы доказательств», особенно применительно к политическим обвинениям, была возрождена и обоснована А. Я. Вышинским, бывшим в то время Прокурором СССР и игравшим роль теоретического рупора сталинизма по правовым вопросам. Он утверждал, что *объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных, важнейших, решающих доказательств*⁷² (курсив мой. — В.Т.).

Предложение, выделенное курсивом, почти дословно повторяет написанное Вышинским в книге «Теория судебных доказательств в советском праве»⁷³. Правда, вывод этот Андрей Януарьевич делал применительно не к «политическим обвинениям», как утверждает Ю.К. Орлов, а лишь к **уголовным** делам «о заговорах, о преступных сообществах», «об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах», которые он называл именно уголовными делами, а не политическими. Чрезвычайная небрежность при воспроизведении высказываний Вышинского является характерной особенностью работ, в которых вместо серьезной научной критики его идей просто пересказываются мифы о нем.

Миф о том, что Вышинский был привержен принципу «признание обвиняемого — царица доказательств», и в книге «Теория судебных доказательств в советском праве» предпринял попытку обосновать данный принцип, широко распространился в нашем обществе в значительной мере благодаря публикациям советского адвоката и публициста Аркадия Иосифовича Ваксберга (1927–2011).

27 января 1988 года в «Литературной газете» под рубрикой «Мораль и право» был опубликован очерк Ваксберга о Вышинском под названием «Царица доказательств», в котором автор делился своими воспоминаниями и впечатлениями о бывшем прокуроре СССР. Обратившись к научному творчеству Вышинского, Ваксберг сообщал читателям: «Его отмеченный Сталинской премией и признанный в свое время классическим труд “Теория

⁷² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. М., 2017. С. 295.

⁷³ «Но объяснения обвиняемых в такого рода делах неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств» (Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 180–181).

судебных доказательств в советском праве" содержит утверждения, сегодня звучащие дико, невысказано, неправдоподобно, но их усвоили как юридическую Библию тысячи практикующих и ныне юристов. Приходящие в редакцию письма иных сегодняшних преподавателей юридических вузов содержат пассажи, повергающие порою в ужас: их авторы, возможно, и не подозревают, что дорогие их сердцу формулировки на самом деле принадлежат все ему же — незабвенному Андрею Януарьевичу. Пересыпанная латинскими формулами, ссылками на десятки иностранных источников, оснащенная солидным справочным аппаратом, эта книга всерьез утверждала, что "объяснения обвиняемых... неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств"; что принцип состязательности сторон, как и принцип равенства в процессе обвинения и защиты — буржуазное наследие; что старая формула "пусть погибнет мир, но восторжествует правосудие" — не более чем юридическая схоластика; что другая латинская формула — "закон строг, но это закон", требующая неукоснительного и всеобщего его соблюдения, "не дает места гибкости в деле применения закона"⁷⁴.

Заявив, что главный научный труд Вышинского содержит утверждения, которые сегодня звучат «дико, невысказано, неправдоподобно», Ваксберг, конечно же, должен был в обоснование такой оценки привести хотя бы одну цитату из книги «Теория судебных доказательств в советском праве». И он это сделал. Но примененный им способ цитирования Вышинского был по меньшей мере странным. Аркадий Иосифович воспроизвел мысль Андрея Януарьевича в усеченном виде, поставив многоточие между вторым и третьим словами: «объяснения обвиняемых... неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств». И какие же слова он опустил в данной цитате? Оказывается, всего лишь три слова: «**в такого рода делах**». Однако этот пропуск существенно изменил содержание действительной мысли Вышинского, особо подчеркивавшего, что характер и значение основных, важнейших, решающих доказательств объяснения обвиняемых приобретают **не во всех** судебных процессах, а только в процессах по уголовным делам «о заговорах, о преступных сообществах», «об антисоветских, контрреволюционных организациях и группах».

⁷⁴ Ваксберг А.И. Царица доказательств // Литературная газета. 1988. № 4. 27 января. С. 13.

Не привел А.И. Ваксберг и важное замечание, следующее за процитированным в очерке высказыванием Вышинского. Отметив, что в определенных обстоятельствах — в делах «о заговорах, о преступных сообществах» и т.д. — показания обвиняемых приобретают значение основных доказательств, Вышинский пояснил: *«Это объясняется самими особенностями этих обстоятельств, особенностями их юридической природы»*⁷⁵. То есть заявление бывшего прокурора СССР о том, что объяснения обвиняемых в процессах по делам о преступных сообществах, ведущих подготовку к государственному перевороту, приобретают характер и значение основных, важнейших, решающих доказательств было на самом деле всего лишь **констатацией объективной закономерности, а не выражением его субъективного мнения**. Именно поэтому он отметил, что «объяснения обвиняемых» не просто приобретают, а **«неизбежно приобретают»** указанный характер. Утверждая, что объяснения обвиняемых в делах о заговорах, о преступных сообществах, об антисоветских, контрреволюционных организациях **«неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств»**, Вышинский **не переоценивал их доказательственное значение, а напротив, принижал**. Именно поэтому он настаивал, чтобы в таких делах вопрос об отношении к показаниям обвиняемого ставился **«с особой осторожностью как в смысле их признания в качестве доказательства, так и в смысле отрицания за ними этого качества»**⁷⁶.

Оценивая в изданном в 2017 году «Курсе уголовного процесса» книгу «Теория судебных доказательств в советском праве», заведующий кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова профессор Л.В. Головкин отметил, что эта самая известная монография А.Я. Вышинского, «которой приписывают едва ли не инквизиционные доказательственные идеи, на самом деле ничего подобного не содержит, за исключением, быть может, одной действительно весьма сомнительной мысли (особенно с учетом бытовавших в то время методов ведения следствия) об особой важности “объяснений обвиняемых” по делам о заговорах против советской власти, контрреволюционных организациях и т.п.»⁷⁷.

⁷⁵ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 181.

⁷⁶ Там же. С. 181.

⁷⁷ Курс уголовного процесса. 2-е издание, исправленное / Под ред. Л.В. Головкина. М., 2017. С. 162.

Утверждение Вышинского о том, что объяснения обвиняемых в определенного рода делах «неизбежно приобретают характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств» действительно является самым слабым, уязвимым для критики выводом рассматриваемой книги. Но думается, причина состоит не в сомнительности самой этой мысли, а в ее **не вполне удачном выражении**. Объяснения обвиняемых действительно приобретают особое значение при расследовании и судебном разбирательстве дел о преступных сообществах, но почему?

Во-первых, потому что показания обвиняемых нередко являются **единственными** доказательствами, а раз единственными, то, очевидно, «основными» «важнейшими», «решающими».

Во-вторых, потому, что многие факты, составляющие содержание соучастия, могут быть установлены и подтверждены только показаниями соучастников, и никак иначе. И по этой причине данные показания становятся «основными» «важнейшими», «решающими».

Именно особые объективные обстоятельства дел о заговорах, о преступных сообществах, об антисоветских, контрреволюционных организациях придают объяснениям обвиняемых в таких делах «характер и значение основных доказательств, важнейших, решающих доказательств». Вышинскому следовало бы, полагаем, подробнее описать эти объективные обстоятельства и раскрыть подлинный смысл использованных им определений «основные», «важнейшие», «решающие». Но он предназначал свою монографию для правоведов. И если допускал, что какие-то его высказывания сформулированы не совсем четко, то вряд ли беспокоился о том, что сами мысли будут поняты превратно.

В остальном же, по словам Л.В. Головки, «данная монография представляет собой достаточно глубокий сравнительно-правовой анализ доказательственного права, опирающийся на прекрасные знания западной литературы, причем с явной симпатией к англосаксонским конструкциям. Строго говоря, это первый серьезный советский труд по доказательственному праву, проложивший путь между западной и дореволюционной наукой, с одной стороны, и советской доказательственной доктриной – с другой стороны, что весьма благотворно сказалось на послесталинском развитии последней» (там же. С. 162–163). Называя А.Я. Вышинского, «едва ли не крупнейшим советским юристом сталинской эпохи», Леонид Витальевич констатирует: «При всей неоднозначности личности А.Я. Вышинского и его роли в истории бытующее сегодня сугубо негативное отношение к теоретическому уголовно-процессуальному наследию этого автора выглядит не всегда справедливым» (там же. С. 162). При этом он указывает и на концепции Вышинского, «заслуживающие критики» (там же. С. 163). К сожалению, столь взвешенные, без пристрастий, оценки научного творчества бывшего прокурора СССР — большая редкость для современных российских учебников по уголовному процессу. Чаще всего монография «Теория судебных доказательств в советском праве» в них просто игнорируется или замалчивается.

Общепринятая в юриспруденции методология толкования тех или иных положений требует рассмотрения их в связи с другими положениями, то есть с точки зрения контекста. Утверждение неясное или многозначное из-за неудачного словесного выражения может стать вполне понятным, если принять во внимание общий смысл того текста, частью которого оно является.

Обращаясь в своей книге к такому виду доказательств как объяснения обвиняемого, Вышинский предварительно излагает вопрос о классификации доказательств в советском праве. Сама методология, которой он при этом следует, совершенно исключает придание объяснениям обвиняемого значения непреложной, не подлежащей сомнению истины — «царицы доказательств». Он не возвышал какой-либо вид доказательства над другими.

Так, рассмотрев деление доказательств на прямые и косвенные, Андрей Януарьевич сделал следующий вывод: «Таким образом, деление доказательств на прямые и косвенные вполне естественно и жизненно, так как соответствует тому, что имеет место в жизни, в действительных жизненных отношениях. Однако, признавая законность такого деления доказательств, мы решительно отвергаем противопоставление одних другим, как более достоверных менее достоверным»⁷⁸.

Поразмыслив в своей книге о делении правоведами доказательств на обвинительные и оправдательные, Вышинский констатировал: «Следовательно, квалифицировать те или другие доказательства как обвинительные или оправдательные заранее, исходя из их так называемой природы, нельзя. Доказательства — это факты, факты же есть факты. Их оценка, их значение зависят не только от них самих, от того, как они выглядят или воспринимаются сами по себе, но в немалой степени еще и от сочетания этих фактов с другими фактами, с другими обстоятельствами дела, вне связи с которыми, изолированно нельзя правильно ни воспринять, ни понять, ни оценить ни одно обстоятельство дела. Поэтому деление доказательств на обвинительные и оправдательные нельзя признать правильным и целесообразным, не говоря уже о том, что в отнесении доказательств к одной или другой категории играет важнейшую роль субъективная точка зрения следователя, прокурора, адвоката или судьи»⁷⁹.

⁷⁸ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 171.

⁷⁹ Там же. С. 172.

Общий же итог своих рассуждений о классификации судебных доказательств Вышинский выразил в следующем выводе: «Таким образом, классифицировать доказательства возможно по двум основаниям: 1) по их источнику и 2) по их отношению к искомому факту (*factum probandum*)»⁸⁰.

Опубликованный в январе 1988 года в «Литературной газете», выходявшей в то время тиражом 3 млн. 800 тысяч экземпляров, очерк А.И. Ваксберга «Царица доказательств» сыграл решающую роль в широком распространении в российском обществе мифа о том, что А.Я. Вышинский считал признание обвиняемым своей вины «царицей доказательств». В 1990 году Аркадий Иосифович опубликовал в пятом и шестом номерах журнала «Знамя» новый, значительно более объемный очерк о Вышинском — на этот раз под нейтральным названием «Страницы одной жизни»⁸¹.

И в этом очерке он коснулся главного научного труда А.Я. Вышинского, но на этот раз не стал приписывать бывшему прокурору СССР утверждения о том, что признание обвиняемого — «царица доказательств», ограничившись общей характеристикой его книги, на удивление положительной⁸². В 1992 году Ваксберг опубликовал книгу о Вышинском объемом в 350 страниц. Все, что он писал о монографии «Теория судебных доказательств в советском праве» в очерке «Страницы одной жизни», было повторено в данной книге. Никаких вообще доводов в пользу того, что Вышинский считал признание обвиняемых царицей доказательств, в книге приведено не было. И тем не менее вышла она в свет под названием «Царица доказательств. Вышинский и его жертвы».

Любопытно, что в 1988 году, когда был опубликован в «Литературной газете» очерк А.И. Ваксберга «Царица доказательств» вышли в свет первым

⁸⁰ Там же. С. 174.

⁸¹ Ваксберг А.И. Страницы одной жизни (штрихи к политическому портрету Вышинского) // Знамя. 1990. № 5. С. 152–177. № 6. С. 122–143. Текст этого очерка был опубликован также в сборнике «Инквизитор: Сталинский прокурор Вышинский» (М., 1992. С. 3–87).

⁸² «За высоким забором роскошной дачи допоздна светилось окно в кабинет е на втором этаже. Вся Николина Гора знала: Вышинский работает. Создавалась книга «Теория судебных доказательств в советском праве» — главный труд академика, который выйдет не одним изданием, будет удостоен Сталинской премии первой степени и объявлен классикой правоведения. И действительно, это труд обстоятельный. Даже фундаментальный. Он создан человеком, отлично владеющим материалом, оснащенным железной логикой, сильным своей убежденностью. Книга пересыпана латинскими формулами, крылатыми изречениями, обилием цитат, множеством ссылок на десятки, если не на сотни научных трудов — русских, советских, американских, английских, французских, немецких. Старых, новых, новейших. . . Слог достаточно легкий, не давит тяжеловесным наукообразием, каким отличались и отличаются сочинения иных правоведов. Некоторые главы, мне кажется, и сегодня не устарели — те, где автор далек от политики» (Знамя. 1990. № 5. С. 175).

изданием и мемуары бывшего министра иностранных СССР А.А. Громыко, работавшего когда-то под началом министра иностранных дел СССР Вышинского. Вспоминая о своем начальнике, Андрей Андреевич почему-то решил написать о приверженности Вышинского к принципу «признание обвиняемого — царица доказательств». «Он зло издевался, — вспоминал Громыко, — над теми юристами, которые осуждали пропагандируемую им правовую концепцию, гласившую, что признание подсудимым своей виновности — во всех случаях достаточное основание для осуждения... У прокурора часто фигурировало выражение: “Признание — это царица доказательств”. Такая формулировка оставляла в стороне вопрос о том, как добывалось само признание»⁸³. Маловероятно, что дипломат А.А. Громыко сам написал этот фрагмент, приписывающий Вышинскому убеждения, которые на самом деле Андрей Януарьевич считал вредными и критиковал. Но если не он, то кто написал от имени Громыко эту несурязицу? Не публицист ли Ваксберг? Очень уж бросается в глаза встреча во времени его очерка «Царица доказательств» в «Литературной газете» и первого издания мемуаров А.А. Громыко, продвигавших одну и ту же ложную характеристику взглядов Вышинского.

Рассматриваемый миф о Вышинском оказался удивительно стойким. Но когда он возник, и кто был его творцом? Очевидно, что он не мог появиться при жизни А.Я. Вышинского. Андрей Януарьевич легко разоблачил бы такой навет. И действительно первые документально подтвержденные следы существования этого мифа относятся к 1956 году. В докладе Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», произнесенном 25 февраля 1956 года на закрытом заседании XX съезда КПСС, отмечалось, что при осуществлении репрессий «основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной юридической науки, "признание" самого обвиняемого, причем это "признание", как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого»⁸⁴. Однако фамилия Вышинского при этом не звучала: вся ответственность за подобные нарушения законности возлагалась на Сталина и связывалась с культом его личности.

⁸³ Громыко А.А. Памятное. Кн. 2. Издание 2-е, дополненное. М., 1990. С. 508.

⁸⁴ О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 133. Также см.: с. 133.

Первое упоминание А.Я. Вышинского в связи с репрессиями и начало формирования мифа о том, что он придавал личным признаниям обвиняемого исключительное значение обнаруживается в представленном членам Президиума ЦК КПСС проекте доклада Д.Т. Шепилова «Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза и задачи улучшения идеологической работы», который готовился для Пленума ЦК КПСС⁸⁵. Дмитрий Трофимович имел юридическое образование (в 1926 г. окончил факультет советского права 1-го МГУ) и небольшой опыт прокурорской деятельности – в 1928–1929 годах служил помощником прокурора Главного суда автономной советской социалистической республики Якутии⁸⁶. Поэтому его внимание к Вышинскому было естественным. В начале 1956 года секретарь ЦК КПСС и одновременно главный редактор газеты «Правда» Д.Т. Шепилов участвовал в подготовке доклада «О культе личности и его последствиях».

В докладе, который Дмитрий Трофимович намеревался произнести на Пленуме ЦК КПСС, он хотел продолжить тему выступления Н.С. Хрущева в последний день работы XX съезда КПСС, но при этом намеревался распространить ответственность за нарушения законности и на бывшего прокурора СССР Вышинского, о чем свидетельствуют следующие тезисы подготовленного им проекта: «Надо сказать, что отдельные представители правовой науки, ссылаясь на ошибочное положение Сталина о классовой борьбе в эпоху социализма, теоретически обосновывали необходимость все большего **усиления репрессий** в нашей стране по мере продвижения ее вперед по пути коммунистического строительства. Например, академик Вышинский, считавшийся непререкаемым авторитетом в вопросах права, писал, что тезис Сталина об усилении сопротивления врагов по мере роста мощи Советского государства «является **основой** всей нашей работы по организации Советского государства». (А. Вышинский, «Вопросы теории государства и права», М. 1949 г., стр. 62). Вышинский утверждал, что личные признания обвиняемого, его показания являются основным доказательством, что “участие в группе, осуществляющей преступные действия, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если он сам к этим преступным

⁸⁵ Данный Пленум ЦК КПСС был намечен на июнь 1956 г., но так и не состоялся.

⁸⁶ Во время работы на этой должности молодой правовед подготовил архивных материалов Якутского революционного трибунала и свидетельских показаний книгу по истории данного органа и опубликовал ее. См.: *Шепилов Д.Т.* Контрреволюция Якутии перед трибуналом. Материалы к истории революции. Якутск, 1928.

действиям непосредственного отношения не имел и согласия на их совершение не давал” (там же, стр. 116). Что это, если не попытка подвести “теоретическую базу” под существовавшие в судебно-следственных органах произвол и незаконные методы ведения следствия, как не прямая ориентация судов на осуждение людей при отсутствии достоверных доказательств их виновности?»⁸⁷.

Как видим, Д.Т. Шепилов выдвинул против Вышинского три обвинения: при этом первое и третье подкрепил ссылками на его выступление на Первом всесоюзном совещании по вопросам науки советского права и государства 16 июля 1938 года, а второе, состоящее в том, что Вышинский якобы утверждал, будто «личные признания обвиняемого, его показания являются основным доказательством», оставил без каких-либо ссылок. Это неудивительно, поскольку, как уже было показано, Вышинский писал совсем о другом. Член-корреспондент Академии наук СССР Д.Т. Шепилов грубейшим образом искажил мысль академика А.Я. Вышинского.

Более того, партийно-научный работник Шепилов проявил непростительную для своего статуса небрежность и в цитировании Вышинского. Андрей Януарьевич приводил в своей речи перед правоведами в 1938 года тезис Сталина об усилении сопротивления не «врагов», а «последних остатков умирающих классов»⁸⁸. Что же касается высказывания Вышинского о том, что «участие в группе, осуществляющей преступные действия, может влечь за собой ответственность участника этой группы даже в том случае, если он сам к этим преступным действиям непосредственного отношения не имел и согласия на их совершение не давал», то обратившись к странице, указанной Шепиловым, нетрудно понять, что Андрей Януарьевич в данном случае всего лишь продолжает мысль выдающегося русского правоведа, специалиста по уголовному праву Н.С. Таганцева. «Таганцев, — говорил Вышинский на совещании советских правоведов, — сам вынужден признать, что вступление в партию, в программу которой входит определенная преступная деятельность, может быть иногда признано равносильным вступлению в сообщничество для

⁸⁷ Из проекта доклада Д.Т. Шепилова «Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза и задачи улучшения идеологической работы» на Пленуме ЦК КПСС». 23 мая 1956 г. // Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 332–333.

⁸⁸ *Вышинский А.Я.* Вопросы теории государства и права. М., 1949. С. 62.

учинения определенного преступного деяния. Следовательно, участие в группе...»⁸⁹ и далее так, как процитировал Шепилов.

Убедиться в том, что Вышинский передает мысль Таганцева предельно точно и делает из нее прямо вытекающий вывод, можно, обратившись непосредственно к лекциям Н.С. Таганцева по русскому уголовному праву. Вот подлинные его слова: «Если в программу партии входит определенная преступная деятельность, тогда вступление в партию может быть иногда признано равносильным со вступлением в сообщество для учинения определенного преступного деяния»⁹⁰.

Небрежность Шепилова в цитировании Вышинского, приписывание бывшему прокурору СССР мнений, которых он на самом деле не придерживался, были явными признаками того, что в данном случае просто выполнялся политический заказ на развенчание одного из наиболее значимых советских государственных деятелей эпохи 1930-х — 1940-х годов. Именно поэтому публицист-юрист А.И. Ваксберг действовал точно так же, как за 32 года до него поступал партийный ученый Д.Т. Шепилов. Они фальсифицировали высказывания Вышинского не только одинаково бессовестно и беззастенчиво, но и пользуясь одной схемой.

В этом не было ничего удивительного и странного. Загадочным являлось лишь одно: почему для развенчания Вышинского как государственного деятеля и ученого-правоведа был избран такой странный способ — приписывание ему, прекрасно образованному, одаренному высоко развитым здравым смыслом правоведа, приверженности к совершенно примитивному средневековому принципу, «признание обвиняемого — царица доказательств», которым не руководствовались даже обвинители-судьи в инквизиционном процессе?

⁸⁹ Там же. С. 116.

⁹⁰ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. С. 736 (сноска 1).